

ОСЕТИНСКАЯ ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА КЪАДА КУЫРОЙ – ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ И ЛОКУС МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВА

Р. П. Кулумбегов

В Осетии, как и повсеместно на Кавказе, бытовали традиционные мельницы двух основных типов – ручные и водяные. Мельничные механизмы, работающие посредством усилий домашних животных (ослов, верблюдов) или на силе ветра в регионе не получили распространение и были редким исключением. Древнейшим приспособлением для помола зерна была зернотерка, широко распространившаяся в неолите. Значительным шагом в совершенствовании технологии помола стал переход к использованию вращающегося жернова, то есть ручной мельницы. На территории Осетии они известны с эпохи бронзы. Водяные мельницы стали следующим этапом в развитии мукомольной технологии, значительно увеличив производительность. Для устройства мельницы было необходимо наличие источника воды, посредством которой создавался напор водяного потока, приводящий в действие мельничное колесо. В Осетии мельница, работающая от энергии воды, носила название къада куырой – «ручейная мельница». Помимо хозяйственных функций мельница в представлении земледельцев была связана с мифологией. Горцы полагали, что мельничный механизм, работающий без непосредственного участия человека, только на силе воды, является олицетворением сверхъестественных сил. Превращение зерна в муку, с использованием стихии воды, постоянный шум мельничного колеса, не прекращающийся даже ночью, обособленность строения, устные предания с магическим окрасом – все это заставляло относиться к мельнице как к обиталищу темной субстанции. Поэтому мельница является местом-локусом, связанным с мифопоэтическим представлением о мире, его границах, духах места и воды, зонах сакрального пространства и соответствующих им поведенческих норм. Если осетинская мельница къада куырой как элемент механизации труда земледельца описана достаточно полно, то мифологические представления, связанные с ней, все еще нуждаются в исследовании.

Ключевые слова: мельница, зерно, мука, вода, жернова, женщины, черти, оборотень.

В системе материальных и духовных ценностей горцев Осетии, как и у большинства земледельческих народов, мельницы занимают обособленное место. Являясь материальным объектом, традиционным элементом культурного ландшафта, мельницы одновременно формируют вокруг себя большой тематический пласт фольклорной прозы: поверий, легенд, устных рассказов [1, 7].

В тяжелом труде земледельца было несколько этапов, и каждый из них был подчинен цели выращивания урожая

и его сохранности. Трудовая цепочка начиналась с очищения пашни с последующим внесением удобрений, за этим следовала пахота, далее – сев, боронование, уход за посевами, жатва, вывоз и складирование хлебов. Достаточно непростой задачей был и перемол зерна на муку.

Для помола муки использовали два основных вида мельниц: ручные и работающие на силе воды. Первые изготавливались из камня, реже из дерева – *æрмгуырой*, вторые, *доны куырой*, также отличались материалом, из которого возво-

дилась их конструкция: доски, плетень, каменная кладка. На территории Осетии известен только один пример существования ветряной мельницы в с. Схлит Знаурского района РЮО. Ее построили в XIX в. немецкие поселенцы.

Наиболее древним приспособлением для помола муки, использующим жернова, считается ручная мельница [2, 163]. Эти нехитрые приспособления для помола зерна бытовали вплоть до XX в. Конструкция ручных мельниц была проста и представляла собой два небольших сочлененных каменных или деревянных жернова, которые в действие приводились вручную. Несмотря на трудоемкость и невысокую производительность, ручная мельница *армгуырой* считалась необходимой хозяйственной принадлежностью в каждом хозяйстве даже если была возможность пользоваться более производительной водяной мельницей. На это были свои причины. С помощью ручной мельницы можно было размолоть небольшое количество зерна, в противном случае пришлось бы отправляться на водяную мельницу и ждать часами своей очереди на помол. *Армгуырой* становилась незаменимой и в период, когда зимняя стужа сковывала льдом реки и ручьи, и водяные мельницы вставали.

Основной объем работ по перемазыванию зерна в Осетии выполнялся на водяных мельницах, которые превосходили по своей производительности ручные в десятки раз. Практика использования мельниц, работающих на силе воды, у осетин, как и у народов Центрального Кавказа, уходит корнями в глубокую древность [2, 169]. Появление водяной мельницы описано в сказаниях о нартах и связано с божественным даром. В повествовании

«Чем небожители одарили Сослана» рассказывается о пире, который устроил покровитель домашнего очага Сафа для своего воспитанника. Каждый из гостей-небожителей преподнес, согласно обычаю, подарок маленькому нарту Сослану. Сделал свой дар и повелитель водных стихий Донбеттыр, предоставив возможность устройства на его водах мельниц:

*Ма дæттыл-иу куырайттæ аразут
Ма нæй та уын уыцы лæвар
Æз бафæдзæхсдзынæн ма чызджытæн
Цæмæй уæ куыррайттæн сæ цæлхытæ
Æнарынцойæ зилой.*

На водах моих дарю вам мельницы
От меня вам этот дар
А дочерям своим я поручу
Чтобы колеса ваших мельниц
Крутились безостановочно [3, 78].

Это сказание перекликается с рифмами поэта античности Антипатра Фессалоникского. В его поэтическом повествовании, как и в сказаниях о нартах, мельничные жернова крутят речные нимфы, только делают они это в данном случае по наставлению Деметры, богини плодородия, покровительницы земледелия [4]:

*Дайте рукам отдохнуть, мукомолки;
спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко
петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд
поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси
крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть
двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой:
без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы
Деметры божественной.*

В воображении людей древности механизм, работающий «без труда и усилий» человека, воспринимался как сверхъестественное явление, и, подобно всякому предмету, обладающему волшебным свойством, должен был быть принесен из «инога мира» [5, 3].

С ростом уровня познания общество стало смотреть на такие вещи более рационально, объясняя появление подобных устройств внешними заимствованиями. Исследователь архаичного осетинского быта Е. Г. Пчелина приводит легенду, в которой объясняется появление водяной мельницы в хозяйстве осетин [6, 172]. Согласно нарративу, житель одного селения находился в дальнем странствовании. Возвратившись домой, он пришел на сельский сход – Ныхас, где рассказывает об увиденном во время путешествия. Среди прочего мужчина поделился рассказом о работе водяных мельниц, сделав побудительный вывод: «Зачем мы мучаем своих женщин работой на ручных мельницах, надо заставить воду молоть муку». Присутствующие на Ныхасе мужчины подвергли его насмешкам, не поверив в такую возможность. Чтобы доказать свою правоту, тот пошел в лес и принес оттуда ствол дерева с корнями, насадил его на жернов и поставил вертеться в ручье. Убедившись в правоте слов своего соплеменника, старейшины благословили его за такое чудо: «Ты сделал великую вещь, и в память этого пусть в разговоре отныне говорят цаэвидтон» (от осетинского *цаэвидтон* – пример, быть примером).

Здесь мы хотим отметить, что именно Пчелиной принадлежит первое детальное описание устройства осетинской мельницы *къада куырой* в этнографической литературе [6].

Свидетельства о привнесении технологий и орудий труда встречаются не только в отношении водяной мельницы. Такие факты мы встречаем в Осетии в преданиях о том, как появился в хозяйстве осетин каменный каток для обмолота зерна или началось использование косы для жатвы хлебов в горной полосе Южной Осетии. Житель высокогорного села Сба (Дзауский район) Зурапп Абаев в 20-х гг. XX в. впервые скошил свою ниву косой. Это он сделал под впечатлением от поездки в Ставропольскую губернию на заработки, где коса применялась при жатве. Тогда односельчане посчитали его безумцем, решившим погубить созревший урожай, так как при жатве косой было большое осыпание хлебов. Куда благосклоннее в родном селении приняли предложение использовать для обмолота хлебов каменный каток [7, 47-49].

В горной местности Осетии водяная мельница носила название *къада куырой* (от осетин. *къада* – водный поток, ручей). Стандартная горская мельница состояла из двух ярусов. На первом ярусе стояло водяное колесо, на втором находился сам мельничный постав. Иногда имелся третий ярус, обычно это был чердак деревянной двускатной крыши, где хранился инвентарь.

Нижний этаж водяной мельницы мог быть просто ямой, выкопанной по ходу водного потока. Это помещение не обкладывалось камнем и не обшивалось досками. Чаще всего нижний ярус формировался за счет четырех столбов-свай, вбитых в грунт. Древесина для опорных столбов подбиралась из водостойких пород дерева: акации, граба, дуба. На столбах крепились балки, на которых в свою очередь выстраива-

лась конструкция второго яруса водяной мельницы.

Материал, из которого изготавливался второй этаж, зависел от местности. Там где была возможность заготовить строительный материал из дерева, мельницы были деревянные (*хъадын куырой*), в этом случае стены формировались либо из цельных бревен, либо из досок, вставленных в угловые столбы.

В безлесной местности стены второго яруса возводились из камня (*дурын куырой*). Они выкладывались сухой кладкой, без использования связывающего раствора (*сур дурамад*). Там где был дефицит и строительного камня, и леса, стены мельничного строения были турлучные (*каубыд куырой*). Конструкция, сформированная из ивовых прутьев, обмазывалась внутри и снаружи глиной, смешанной с навозом и рубленой соломой.

Крыша мельничного помещения представляла собой утрамбованную земляную насыпь, но чаще была дощатой, одно- или двухскатной. В помещении вела небольшая дверь. Пол мог быть как земляной, утрамбованный, так и из досок. Площадь внутреннего помещения была незначительной, в среднем 4-6 кв. м.

Вот как описывает устройство *къада куырой* К. Л. Хетагуров в своем этнографическом очерке «Особа»: «Мельницы горной Осетии поражают своей малостью и простотой конструкции. Низенькие до смешного двери и ни одного светового отверстия, если не считать многочисленных щелей в стенах, а иногда и в полу. Строятся они большею частью в один постав» [8, 334].

Мельница устраивалась рядом с водяным потоком, от которого к ней проводился канал. Но иногда мельничное

здание ставили в отдалении, и тогда к нему проводили водную трассу, которая формировалась из земляных канав (*донвад*) и деревянных желобов (*нуктае*) [9,65].

В месте соединения мельничного канала с рекой или ручьем имелась специальная заслонка, посредством которой в него запускалась вода. Еще одна заслонка ставилась непосредственно перед желобом, по которому вода подавалась на лопасти. Водяной поток открытием специальной задвижки выпускался на мельничное колесо, которое также имело собственную блокировку.

Часто на мельничной канаве устраивался и водослив, так как в период разлива рек вода переливалась через ограничители, и мощные потоки могли повредить мельничное колесо.

Для устойчивого вращения мельничного барабана с лопастями значение имела сила водяного потока. Если необходимых величин не удавалось добиться посредством перепада высот, то в начале мельничной канавы устраивалась запруда (*ауæзт*). Благодаря этому инженерному решению достигалось необходимое давление. Применялся еще один способ. Устанавливался сужающийся к концу деревянный желоб, чтобы сужением потока воды достичь увеличения его силы падения на лопасти. Указанные усовершенствования применялись обычно в случае небольшого дебета того или иного водного источника. А поскольку количество воды, требуемое для привода в действие барабана мельницы, было не очень значительным, необходимая высота падения струи не превышала одного метра [10, 160].

Механизация *къада куырой* была несложной. В полу второго яруса делалось отверстие для железного или де-

ревянного стержня-оси (*цалхы занг*). На эту ось в нижней ее части крепили мельничное колесо (*цалх*), представляющее из себя деревянный барабан. Крыльчатка барабана устраивалась из деревянных или металлических щитков (*цалхы фарсчытæ*). Верхняя оконечность железного стержня-оси пронизывала два мельничных жернова. Через ось, раскручиваемую волчком (*цъил*), вращательное движение передавалось верхнему жернову (*уæллаг фыд*), нижний (*дæллаг фыд*) оставался в состоянии покоя.

Жернова изготавливались из камня, хотя долгое время использовались и сделанные из дерева твердых пород. Последние, однако, не отличались долговечностью в работе и применялись исключительно по причине отсутствия материала для изготовления каменных жерновов. В XX в. с развитием промышленного производства широкое распространение получили фабричные жернова, завозимые из Грузии и российских городов.

Мельничные жернова в горной Осетии были не только хозяйственным инвентарем, они имели и свойство родового маркера. По древнему обычаю при прерывании рода вход в фамильный склеп заваливали мельничным жерновом. Находки могил аланской эпохи, вход в которые закрывались этими частями механизма мельницы, встречаются довольно часто [11].

Жернова, которые отработали свой ресурс, не выбрасывались, они всегда должны были находиться в периметре хозяйственного двора, иногда их встраивали в стены каменной ограды, как, например, в с. Дзинага (РСО-А) и с. Дзукаты-кау (РЮО). Старые жернова встречаются и в кладке стен сто-

рожевых и жилых башен в с. Махческ (РСО-А) и с. Гудис (РЮО). «*Куыройы дур дывæр фидар кæны сисамады*». – «Жернов вдвое укрепляет кладку стены», – такое народное поверье как нельзя лучше отражает представления о вторичном использовании этой части мельничного механизма¹.

Необходимость сохранения старых жерновов объясняется тем, что в случае нужды их можно было взять для подправки и снова пустить в дело [6, 186]. Действительно, истершуюся поверхность жернова можно было отбить насечками с помощью специальных камнесечных инструментов.

Но, очевидно, была и другая причина, ведь едва ли можно представить, что жернов будут вытаскивать из каменной кладки стены. Это неизбежно привело бы к ее обрушению. Нам кажется более вероятным то, что части мельницы и прежде всего жернова в силу специфических функций обрели у горцев символическое значение и могли использоваться в определенных ритуалах.

Возможно, что представления о надежности именно жерновов в каменной кладке определяются не только физическими свойствами камня. Иногда жернов используется и как оберег от нечистой силы. В Чесельтском ущелье Дзауского района (РЮО) жернова использовались как часть порога дома, при этом считалось, что благодаря этому нечистая сила в жилое помещение пройти не сможет².

В фольклоре русского народа жернова нередко выступают одним из символов благополучия в перечне предметов, определяющих изобилие [1, 18].

Мельница, несмотря на простоту своей конструкции, имела большое значение не только в хозяйственном быту,

но и в социальных статусах осетин. Наличие у родственного объединения мельницы, распределение между входящими в его состав семьями очередности на помол, равно как и право на захоронение в родовом склепе, служили основой для исчисления родословных патронимий, что было практически необходимо в связи с брачными запретами и участием в религиозных действиях [6, 192].

К. Хетагуров указывает, что мельницы «составляют собственность отдельной семьи, а чаще целого союза родственников» [8, 334]. Действительно, мельница в горной Осетии являлась собственностью круга родственников, выделившихся из большой семьи, во владении которой первоначально и находилась *к'ада куырой*. Она, в отличие от другого движимого и недвижимого имущества, не подлежала разделу. Мельницы, равно как и кладбища, святилища, лесные участки, пастбища и сенокосы оставались в общем пользовании родственного объединения. Имеются свидетельства наличия мельниц в частном владении, впрочем, такую возможность имели редкие семьи, так как процесс строительства был достаточно затратным. Неудивительно, что мельница, равно как боевая башня и склеп, была частью общественного престижа.

Строительством мельницы, установкой механизмов, их опробованием занимались мужчины. При этом если подготовка площадки под мельницу, возведение конструкции не требовали особых навыков, то установка мельничного постава могла быть произведена только человеком с опытом такой работы. Для настройки всего механизма было необходимо определить нужный напор воды, которая приводила в дви-

жение волчок, угол падения струи на лопасти мельничного колеса, решающее значение имела и центровка жерновов. И еще с десятков технических особенностей, которые были в багаже знаний отдельных мастеров.

После постройки мельницы присутствие мужчины на ней ограничивалось необходимостью устранения неполадок или профилактическими работами. Присмотром за мельницей, ее текущим ремонтом занимался выборный из числа односельчан – *куыройгæс* (букв. смотрящий за мельницей). Горцы всегда большое внимание уделяли тому, чтобы мельницы постоянно находились в рабочем состоянии. Считалось обязательным в течение года проводить профилактические работы и всегда в определенное время: первый раз в начале осени, второй – в период празднования *Тутыртаæ*, после – весной, и в четвертый раз – в преддверии жатвы, накануне праздника *Цыргъисæн*³.

Производительность горских мельниц была невысокая, поэтому рабочий процесс длился практически круглосуточно. При этом правом пользоваться мельницей в удобное время имели представители патронимии, во владении которой она находилась. Ночное время выделялось представителям сторонних семей. Плата за пользование мельницей в горной Осети не взималась, исключением из этого правила была мельница, которая находилась в частном владении. В последнем случае могла устанавливаться оплата за помол в виде определенной части муки. Однако подобная практика была редка и всегда осуждалась обществом.

К мельнице доступ был открыт в любое время суток. Двери в мельницу не запирались на замок, достаточно было

засова, чтобы в помещение не заходили животные.

Помол муки и чистота на мельнице были в ведении женщин, они же приносили зерно (*ссинаг*) на спине в заплечных мешках. Груз этот, по причине небольшой производительности мельниц, был незначителен – редко более 10-15 кг. При этом мужчинам категорически возбранялось помогать женщинам в переноске зерна – это могло стать поводом для насмешек.

В предгорьях и на равнине Осетии, где объемы производства муки были значительными, это табу уже не было актуальным. Одни только женщины физически не смогли бы обеспечить необходимые здесь высокие трудовые затраты. Теперь уже мужчины участвуют в доставке зерна, появляется и профессия мельника.

Необходимость в мельницах была высокая, ведь в каждой семье старались обеспечить текущие и долгосрочные потребности в муке. Хозяйки отделили запасы муки для отдельных случаев: на ежедневные потребности семьи (*бинонтыхардз*), на случай прихода гостей (*уазæджы хардз*), на выпечку в период религиозных празднеств (*дзуары номыл*). Отметим, что в осетинском языке слова «помол» и «мука» имеют одинаковое звучание – *ссад*.

Производительность горской мельницы *къада куырой* была невысока. Впрочем, такие же показатели были у всех устройств для помола муки на Кавказе. По данным исследователей XIX в. в течение суток на горской мельнице можно было смолоть не более трех или четырех пудов муки [10, 170]. При этом для перемола пшеницы и ячменя на муку времени было необходимо больше, при помолу кукурузной муки

– меньше. Отметим, что даже сегодня в горах на мельницах, которые все еще в работе, производительность труда не намного выше⁴.

При возведении мельницы *къада куырой* приходилось соблюдать не только строительные нормы. Здесь присутствовала и магия, которая, по народным поверьям, обеспечивала устойчивость конструкции, работоспособность мельничных механизмов, сакральную чистоту помола. Перед началом строительства было необходимо заручиться покровительством высших сил небольшой жертвой в виде трех пирогов, пива и мяса жертвенного животного. В этом случае это мог быть козел темного окраса или черный петух⁵. Уже после окончания строительства и запуска в работу считалось, что в мельнице поселяется и домовая *Бынаты хицау* (букв. хозяин места). Его также было необходимо периодически задабривать небольшими подношениями⁶.

У осетин существовал обычай хождения молодых невесток за водой – *Донмаæ цауæн бон*. Он устраивался весной и ставил цель умиловить речных дев *доны чызджытæ*, в русской традиции – русалок. По народным поверьям, это дочери владыки водных стихий Донбеттыра. В определенный день новая невестка, нарядившись в свадебный костюм, в сопровождении женщин и молодежи села с песнями, под звуки гармошки впервые отправлялась к сельскому роднику или к реке. Здесь старшая женщина произносила молитву, благословляла молодую, вверяя ее покровительству *доны чызджытæ*. При этом она просила, чтобы вода, которую та будет приносить в дом, была всегда чистой и вкусной. После этого невестка набирала воду, тем

самым получая право ходить за водой к источнику [12, 175].

Среди словесных форм обращения к русалкам была и просьба не иссушить воду, идущую к мельнице⁷. Эта просьба сопровождалась бросанием в реку антропоморфных фигурок из теста. Возможно, этот ритуал является отражением обычая человеческих жертвоприношений. Например, у чувашей существовало поверье, что новая мельница не будет работать, пока не будет принесен в жертву человек. Согласно легенде, на р. Цивиль под некоторыми мельницами жили злые духи Вутайш. Если весной, летом и осенью в определенное время не приносили им жертву, то они прорывали мельничную плотину [13, 57].

Жертву приносили и в русской традиции. Существуют предания о том, как в запруду сталкивали запоздалых путников или опускали убитое животное, впоследствии жертву составляли мука, разведенная водой в посуде, крошки хлеба, по праздникам – водка [13, 96].

Горская мельница, помимо основных хозяйственных функций, была связана у горцев с представлениями повседневности. Например, она была в определенной степени женским клубом. Работой по помолу муки (*ссын, лахарын*) по обычному праву были заняты женщины. При этом устанавливалась очередность, однако очередники не ждали своего часа в домах. Женщины приходили к мельнице с утра. При этом в самом помещении находилась только одна из очередниц, другие располагались рядом с мельницей и занимались рукоделием или просто праздными разговорами. «*Куыройы гаркъарагай фыддар фаци дзурынмæ*». – «Болтает безостановочно подобно мельничной трещотке»⁸, – эта поговорка отража-

ет восприятие обществом праздности разговоров женщин на мельнице (ср. *лахарын* «нести околесицу, вздор» – букв. «молоть»).

Интересно отметить, что мельница и в славянских языках является одной из самых архаичных и устойчивых метафор говорения и болтливости [14].

Через некоторое время происходила смена, и к помолу приступала другая очередница (*ссæг*). Если не было срочной необходимости в муке для выпечки хлеба, то женщины оставались у мельницы до вечера, особенно если в доме уже были другие женщины, которые могли заниматься домашними делами. Чаще всего на мельницу по этой причине отправлялись молодые девушки, которые менее всего были загружены по дому, в отличие от невесток.

Понятно, что такая отвлеченность от повседневного быта не могла не вызывать ироничного отношения в обществе. Как иллюстрация – образное выражение: «*Куыройдзау сылгоймагæн йæ растæг бираггъта бахордтой*». – «На мельнице у женщины-мукомольницы волки все ее время съели»⁹.

Несмотря на запрет появления мужчин на мельнице, он все же нарушался. Но отнюдь не в связи с помолом муки. В этнографической литературе есть указание на то, что «это связывалось со свиданием в лесу влюбленных или любовников, которые скрывались в ближайших зарослях кустарника или травы» [6, 194].

Но это не только особенность Осетии. Мельница в средневековой Европе для некоторых общин выполняла роль своего рода общественного центра. По этой же причине мельничное помещение нередко становилось пристанищем

для любовных свиданий, и поэтому именовалось «очагом порока». В этом качестве она представлялась перекрестком священного и нечистого пространства [15].

Мельница была удобным местом для свиданий прежде всего по причине ее отдаленности от селения и возможности влюбленным парам укрыться здесь от посторонних взглядов. Нередко здесь происходили инциденты, связанные с убийствами или увечьями с участием оскорбленных родственников женщин.

Неудивительно, что мельница пользовалась порой дурной славой. Впрочем, это было связано не только с амурными приключениями. У осетин мельничный механизм, работающий без непосредственного участия человека, только на силе воды, считался проявлением сверхъестественных сил, преимущественно из темных сфер. Превращение зерна в муку с использованием стихии воды, постоянный шум мельничного колеса, не прекращающийся даже ночью, обособленность строения, устные предания с негативным окрасом – все это заставляло относиться к мельнице как к обители темной субстанции.

По представлениям осетин, на мельнице и вокруг нее обитали черти (*хай-раджытæ*) и демоны (*дадимонтаæ*). Считалось, что если ночью прийти на мельницу, то можно было лишиться души¹⁰.

Согласно славянской традиции, на мельницах, особенно заброшенных, обитают демонические существа. Об их присутствии здесь можно узнать по шуму и музыке, которые по ночам доносятся с мельниц. Они, эти существа, предстают в разных образах: водяной или дух мельницы, русалки, моющие

свои волосы в водном потоке или запруде. И, конечно же, разного рода черти, мелкие бесы, сидящие на столбах, мельничном колесе, чердаке. При этом присутствие нечисти в данный момент времени можно определить по неожиданной остановке водяного колеса или по внезапному запуску мельничного движителя [14].

Мельница в понимании горца была также своего рода порталом для перехода в область сверхъестественного. Известны предания о женщинах-оборотнях, которые могли превращаться в волка, их называли *хъаууон бирагътæ* («деревенские волчицы»). При этом перевоплощение происходило всегда не в помещении мельницы, а в мельничном подполе¹¹.

Подобное двойственное мнение об этом хозяйственном устройстве у большинства народов связано с устойчивыми мифологическими представлениями, в основе которых лежит мифопоэтическая картина мира, делящая пространство на «свое» (благожелательное) и «чужое» (враждебное, управляемое злыми духами). В этом пространстве знаковым было пограничье как локус, принадлежащий двум «мирам», и потому в наибольшей степени концентрирующий в себе положительную и отрицательную информацию – отсюда двойственность мельничного пространства [1, 7].

Вместе с тем, несмотря на то, что в народных поверьях мельница была связана с темными силами, сам продукт ее работы – мука – имел сакральное значение, ведь это было не только сырье для приготовления повседневной пищи, но и основа ритуальной выпечки [16, 68]

Мельница являлась важным элементом хозяйственного быта горцев.

Именно с ней было связано завершение всего годового земледельческого цикла, получение главного продукта – муки. Но в представлении горца мельница была не только механизмом. Вера в то, что на мельнице обитают демонические существа, оформила ее особый статус в глазах людей как обители темных сил. Это позволяет определить мельницу как феномен культурно-хозяйственного ландшафта с мифологическим подтекстом.

Примечания

1. Информант Костанов Ефим Григорьевич, 72 года. Записано в с. Дзинага (РСО-А) в 1985 г.

2. Этот обычай появился на основе легенды, записанной нами в с. Дуадоны-а-стау, Чесельтского ущелья (РЮО): «Пришел однажды старик чинить мельницу. Но никак не спорилась его работа, как оказалось, черт сидел на мельничном колесе и не давал работать механизму. Тогда сметливый горец пригласил его отобедать с ним, мол, черт, ты, победил, и дальше работать уже не имеет смысла. Нечисть соблазнилась аракой и присела рядом с человеком. Когда черт достаточно опьянел, старик предложил ему спор, мол, не пролезет тот между жерновами. Хмельной черт потерял осторожность и согласился протиснуться в узкое пространство. Только он туда сунулся, как старик запустил в работу мельницу – черта и перемололо. После этого черти стали бояться жерновов» (Информант Тигиев Адам Михайлович. 78 лет. Записано в 2010 г.).

3. Информант Балаев Бутуз Ханджерович, 78 лет. Записано в с. Нар (РСО-А) в 2003 г.

4. Нами был проведен эксперимент для определения производительности *кьа-да куырой*. На одной из таких горских мельниц (с.Цон, РЮО), которой еще пользуются местные жители для помола муки, было обмолочено 16 кг (пуд) зерна. На выходе получено примерно 14 кг муки, процесс занял около пяти часов, что соответствует указанной в этнографической литературе производительности.

5. Информант Гацоев Николай Алексеевич, 71 год. Записано в с. Тиб (РСО-А) в 1983 г.

6. Информант Цегаева Маро Харитоновна, 72 года. Записано в с. Куссу (РСО-А) в 1985 г.

7. Информант Танделова Дарья Сергеевна, 71 год. Записано в с. Теделет (РЮО) в 2012 г.

8. Информант Цховребов Баграт Кавдинович, 70 лет. Записано в с. Шихантур (РЮО) в 1989 г.

9. Информант Шавлохов Георгий Васильевич, 71 год. Записано в с. Згубир (РЮО) в 1989 г.

10. Информант Бекузарова Гигида Хамбевна, 77 лет. Записано в с. Ног-кау (РСО-А) в 1985 г.

11. Одно такое предание нами было зафиксировано в с. Дзинага (РСО-Алания): «Как-то видит пастух идет к мельнице женщина. Удивился он – не было у нее как обычно у идущих на помол мешка с зерном. Но дальше больше. Женщина подошла к мельнице, сбросила с себя одежду и пролезла под мельницу. И тут же из-под мельницы выбегает волк. Не растерялся пастух, спустился к мельнице и собрал в охапку женскую одежду. Да пока он ходил к мельнице волк задрал овцу из его стада. Побежал он обратно к стаду. Волчица, разорвав овцу, вернулась к мельнице и снова превратилась в женщину. Но не нашла на прежнем месте свою одежду. Прикрыв ладонями свой срам, она стала кричать пастуху: «Отдай мою одежду, а взамен я тебя одену с ног до головы. И не выдавай меня!». Пожалел ее пастух, отдал ей ее одеяние, и женщина пошла в селение (Информант Сабеев Аврам Татариевич, 68 лет. Записано в 1985 г.).

1. *Ведерникова Н. М.* Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. Филология. М., 2014. С. 6-22.

2. *Калоев Б. А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

3. Осетинские нартовские сказания. Дзауджикау, 1949.

4. *Антипатр Фессалоникский.* Водяная мельница / пер. Ф. Зелинского. [электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/antichnaia_lirika_solon/vol2/5

5. *Пропи В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

6. *Пчелина Е. Г.* Ossetica. Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013.

7. *Кулумбегов Р. П.* Традиционная культура земледелия у осетин. Владикавказ, 2019.

8. *Хетагуров К. Л.* Собрание сочинений. Владикавказ, 2000. Т. 1.

9. *Кулумбегов Р. П.* Искусственная ирригация как элемент народной агротехники // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 34 (73). С. 63-74.

10. *Бихольд В.* Азиатские водяные мельницы и способы их улучшения // Записки Кавказского Общества сельского хозяйства. Тифлис, 1885. С. 111-175.

11. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии / под ред. Е. Крупнова // Труды археологической экспедиции. Орджоникидзе, 1961.

12. Осетинская этнографическая энциклопедия / под ред. Л. Чибирова. Владикавказ, 2012.

13. *Медведев В. В.* Мельницы в традиционной жизни чувашей // Вестник чувашского университета. 2014. № 4. С. 56-58.

14. Мельница: обитатели и легенды [электронный ресурс]. URL: <https://4stor.ru/strashno-interesno/96278-melnica-obitateli-i-legendy.html>

15. Мельница. Энциклопедия символов и знаков [электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/11552/>

16. *Уарзиати В.* Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.

Kulumbegov, Robert P. – South Ossetian Research Institute (Tskhinval, South Ossetia); kulumbegov_2@mail.ru

OSSETIAN WATER MILL QADA KUYROJ AS ECONOMIC OBJECT AND LOCUS OF MAGIC ACTION.

Keywords: mill, grain, flour, water, grinder, women, devils, werewolves.

In Ossetia, as everywhere in the Caucasus, mills were divided into two main types – manual and water. Mill mechanisms working through the efforts of domestic animals (donkeys, camels) or on the strength of the wind in the region under consideration were not widespread and were a rare exception. Hand mills are the most ancient mechanical device for grinding flour, and they have been known in Ossetia since the Bronze Age. Water mills have become the next step in the development of milling technology, greatly increasing productivity. For the work of the mill, it was necessary to have a source of water, by which the pressure of the water flow was created, and which was used to drive the mill wheel. In Ossetia a mill powered by water energy was called Qada Kuyroj. In addition to economic functions, the mill, in the view of agriculturalists was associated with mythology. The mountaineers believed that a mill mechanism that works without human involvement and only on the power of water is a manifestation of supernatural powers. The transformation of grain into flour, using water, the constant noise of the mill wheel, which doesn't stop even at night, the isolation of the building, oral traditions with magical insides – all this made them treat mill as a place with dark substance. Therefore, the mill is a locus-place associated with mythopoetic idea of the world, its borders, the spirits of place and water, zones of sacred space and behavioral norms. If Ossetian mill qada kuyroj, as the element of mechanization of the work for agriculturalists, is described quite fully, still the mythological ideas associated with it still need further research.

REFERENCES

1. Vedernikova, N. M. *Mel'nitsy i mel'nik v russkoi mifologii* [Mills and miller in Russian mythology]. *Nauchnyi dialog. Filologiya* [Academic dialog. Philology]. Moscow, 2014, pp. 6-22.
2. Kaloev, B. A. *Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza* [Agriculture of the peoples of the North Caucasus]. Moscow, 1991. 247 p.
3. *Osetinskie nartovskie skazaniya* [Ossetian legends of the Narts]. Dzaudzhykau, 1949. 503 p.
4. Antipatr Fessalonikskii. *Vodyanaya mel'nitsa* [Watermill. Transl. by F. Zelensky]. [Electronic resource]. URL: https://librebook.me/antichnaia_lirika_solon/vol2/5
5. Propp, V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of fairytale]. Leningrad, 1946. 340 p.
6. Pchelina, E. G. *Ossetica* [Ossetica]. *Izbrannye trudy po istorii, etnografii i arkheologii osetinskogo naroda* [Selected works on history, ethnography, archaeology of the Ossetian people]. Vladikavkaz, 2013. 326 p.
7. Kulumbegov, R. P. *Traditsionnaya kul'tura zemledeliya u osetin* [Traditional agriculture of Ossetians]. Vladikavkaz, 2019. 203 p.
8. Khetagurov, K. L. *Osoba* [Osoba]. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vladikavkaz, 2000, vol. 1. 483 p.
9. Kulumbegov, R. P. *Iskusstvennaya irrigatsiya kak element narodnoi agrotekhni-*

ki [Artificial irrigation as the element of traditional agricultural technology]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 34 (73), pp. 63-74.

10. Bikhoid, V. *Aziatskie vodyanye mel'nitsy i sposoby ikh uluchsheniya* [Asian water-mills and ways to improve them]. *Zapiski Kavkazskogo Obshchestva sel'skogo khozyaistva* [The notes of Caucasus Society of agriculture]. Tiflis, 1885. pp. 111-175.

11. Krupnov, E. I. (ed.) *Arkheologicheskie raskopki v raione Zmeiskoi Severnoj Osetii* [Archaeological excavations in Zmeika region of North Ossetia]. *Trudy arkheologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of archaeological expedition]. Ordzhonikidze, 1961. 135 p.

12. Chibirov, L. A. (ed.) *Osetinskaya etnograficheskaya enciklopediya* [Ossetian ethnographic encyclopedia]. Vladivavkaz, 2012. 686 p.

13. Medvedev, V.V. *Mel'nitsy v tradicionnoi zhizni chuvashei* [Mills in tradition life of Chuvashs]. *Vestnik chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. 2014, iss. 4, pp. 56-58.

14. *Mel'nitsa. obitateli i legendy* [Mill: habitants and legends]. [Electronic resource]. URL: <https://4stor.ru/strashno-interesno/96278-melnica-obitateli-i-legendy.html>

15. *Mel'nitsa. Entsiklopediya simvolov i znakov* [Mill. Encyclopedia of symbols and signs]. [Electronic resource]. URL: <https://www.b17.ru/article/11552>

16. Uarziati, V. *Prazdnichnyi mir osetin* [Festive world of Ossetians]. Vladikavkaz, 1995. 231 p.